

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

повествующая о том, как последователи ложного учения ввели в заблуждение Танского монаха и как высшие небесные силы помогли паломникам избавиться от гибели

Итак, дух доставил Чжу Ба-цзе в пещеру.

— Дорогой брат! Одного поймали! — сказал он своему начальнику.

— Тащите его сюда, я посмотрю, — отвечал тот.

— Да вот он, видите?

— На сей раз ты ошибся, дорогой брат, — молвил старший дух. — От этого монаха никакого толку не будет.

— Господин, — сказал, осмелев, Чжу Ба-цзе. — Раз я никуда не гоюсь, отпустите меня. Ведь я не человек!

— Зачем его отпускать? — возразил второй дух. — Польза от него хоть и невелика, но все же он ученик Танского монаха. Зовут его Чжу Ба-цзе. Давайте разденем его, посадим в пруд, а потом очистим от шерсти и приготовим из него закуски. Когда же наступит пасмурная погода, мы будем попивать вино и закусывать им.

«Ну, теперь все пропало! — решил Чжу Ба-цзе. — Пойду на закуску чертям!»

Мы не будем подробно рассказывать о том, как духи потащили Чжу Ба-цзе к пруду и бросили его в воду.

Вернемся сейчас к Трипитаке. Он сидел на склоне холма, и на душе у него было очень тревожно. Уши у него горели, глаза беспокойно бегали.

— Сунь У-кун, — сказал он наконец, — что же это Чжу Ба-цзе так долго не возвращается?

— Вы до сих пор не знаете, что это за существо, — сказал Сунь У-кун.

— Что же он за существо? Расскажи.

— Если бы в этих горах были какие-нибудь духи, он и шагу не сделал бы, а изобразил бы из себя героя и прибежал к нам с какими-нибудь новостями. Видимо, никаких духов здесь нет, и он идет спокойно вперед.

— Где же мы встретимся? — забеспокоился Трипитака. — Ведь здесь кругом горы, глушь. Это не город, не селение.

— Не беспокойтесь, учитель, — сказал Сунь У-кун. — Садитесь, пожалуйста, на коня. Дурень ленив и, конечно, не мог уйти далеко. Подстегните коня, и мы скоро догоним его, а там пойдем все вместе.

Трипитака послушался Сунь У-куна и сел на коня, Ша-Сэн взял вещи, а Сунь У-кун, как всегда, отправился впереди.

Между тем старый дух сказал своему верному помощнику:

— Раз тебе удалось поймать Чжу Ба-цзе, значит, где-то здесь должен быть Танский монах. Сходи еще раз и поищи как следует. Только смотри не упусти его.

— Я мигом, — отвечал тот и, взяв с собой пятьдесят духов, отправился в горы.

Идя по дороге, он вдруг заметил радужные облака и почувствовал, что воздух напоен чудесным ароматом.

— Танский монах здесь, — сказал дух.

— Где же он? — спросили остальные духи.

— Когда приближается безгрешный человек, появляется радужное сияние, когда скверный — воздух наполняется зловонием. А Танский монах — человек весьма почтенный, он — небожитель, сошедший на землю. Целых десять поколений он совершенствовал себя, и Танский император сделал его своим приближенным.

Однако остальные духи ничего не видели.

— А вот и он, — указывая на облака, сказал дух.

И как только он поднял руку, Трипитака пробрала дрожь. Затем дух еще раз показал на него, и Трипитака снова задрожал. Так было три раза. Чувствуя в душе смутное беспокойство, Трипитака сказал:

— Ученики мои! Что это меня все время в дрожь бросает?

— Видимо, у вас желудок не в порядке, — сказал Шасэн. — Вот от этого и в дрожь бросает.

— Глупости ты говоришь, — сказал Сунь У-кун. — Просто мы зашли в дикие горы, и учитель слегка беспокоится. Ничего не бойтесь. Я со своим посохом пойду вперед и буду защищать вас.

И наш чудесный Сунь У-кун взмахнул своим посохом.

Три раза он поднял его вверх, четыре раза опустил вниз, пять раз взмахнул им влево и шесть раз вправо. Прodelываемые им движения полностью соответствовали древним военным уставам и были до того совершенны и необычны, что наблюдавший все это Трипитака был поражен. Такое редко встретишь даже в войске больших государств. Дух, который видел все это с горы, был до того напуган, что у него душа ушла в пятки, и он едва слышно пролепетал:

— Я давно уже слышал о Сунь У-куне, но только сейчас мне удалось убедиться в том, что не зря о нем идет такая слава.

— Господин наш, — обступив своего повелителя, молвили духи — С какой стати вы превозносите достоинства других и умаляете свои собственные?

— Волшебная сила Сунь У-куна необъятна, — отвечал старший дух — Поэтому отведать мяса этого монаха нам не удастся.

— Раз вы не можете одолеть его, — отвечали духи своему начальнику, — давайте отправим посланцев к нашему повелителю с просьбой прислать сюда все наши силы; тогда мы вместе нападём на Сунь У-куна и заставим его сдаться.

— Вы, что же, не видите, что против его посоха не устоит и многотысячное войско, — сказал им повелитель — А у нас в пещере наберется не больше пятисот воинов. Разве с такими силами мы справимся с ним?

— Ну, в таком случае нам действительно нечего думать о том, чтобы отведать Танского монаха. Да и этого Чжу Бацзе держать здесь нет смысла, надо его сейчас же освободить. — Захватить мы его захватили, а вот как освобождать будем? — спросил старший дух. — Как бы там ни было, Танского монаха нам непременно надо отведать, однако сейчас это невозможно.

— Что же, будем ждать еще несколько лет? — спросили младшие духи.

— Зачем тратить так много времени? — отвечал начальник — Танского монаха можно заполучить лишь хитростью, а не силой. Если же мы будем надеяться на одну только силу, нам не то что отведать, а и понюхать мяса этого монаха не удастся. Надо тронуть его сердце. Только таким путем мы сможем захватить его.

— А наша помощь понадобится? — спросили младшие духи.

— Нет, — отвечал начальник. — Возвращайтесь обратно, только ни слова не говорите вашему

повелителю, иначе сорвете все мои планы. Я знаю один способ, с помощью которого можно захватить Танского монаха.

Младшие духи удалились, а старший дух спрыгнул с горы и, встряхнувшись, превратился в странствующего даоса. Его платье вполне соответствовало его внешнему виду:

Был в даосскую одежду,
С пестрым поясом, одет;
Шапка в искрящихся звездах
Источала яркий свет.
Старец облачные туфли
Из волокон пальм носил,
И о том, что он отшельник,
Взор смиренный говорил.
Так, искусно притворившись
И принявши ложный вид,
Он личиной лицемерья
Был старательно укрыт.
Чувства ложные пытался
Выдавать он за свои,
И, казалось, был монахом,
Преисполненным любви.

И вот, превратившись в даоса, дух споткнулся прямо у дороги и упал. Из ушибленной ноги потекла кровь, и он застонал, призывая на помощь: «Помогите! помогите!».

А Трипитака тем временем, в сопровождении Великого Мудреца и Ша-сэна, спокойно продвигался вперед. Вдруг он услышал, что кто-то зовет на помощь.

— Боже милостивый! — удивленно воскликнул Трипитака. — Кто может звать на помощь в такой глуши? Здесь человеческого жилья нигде не найдешь. Видно, кого-то поранил дикий зверь. — И, подстегнув коня, Трипитака поехал вперед и крикнул: — Кто зовет на помощь, выходи!

Тогда дух выполз из травы и стал отбивать перед Трипитакой земные поклоны. Трипитака почувствовал себя очень неловко: перед ним был даос почтенного возраста. Поспешно сойдя с коня, Трипитака подошел к даосу и, поднимая его, сказал:

— Встаньте, пожалуйста!

— Больно, ох как больно! — стонал дух. Трипитака отпустил его руку и увидел у него на ноге кровь.

— Вы откуда пришли, учитель, и почему у вас на ноге кровь?

Тут дух пустил в ход все свое красноречие.

— Учитель, к западу от этой горы расположен монастырь, оттуда я и пришел.

— Раз ты монах, почему ты не сидишь на месте, не чи таешь священные книги, не возжигаешь благовоний, а бродишь здесь без дела? — спросил Трипитака.

— Видите ли, — отвечал дух, — позавчера игумен, который живет к югу от этой горы, пригласил нас, монахов, к себе в монастырь, где собирался совершить моление об избавлении нас от бедствий и ниспослании счастья. Возвращались мы оттуда поздно вечером вместе с моим учеником. Дойдя до самого глухого места, мы повстречали огромного пятнистого тигра, который утащил моего ученика. Я же от страха бежал куда глаза глядят и, споткнувшись о камень, поранил ногу. О возвращении домой нечего было и думать. И вот сейчас словно само небо послало вас сюда. Умоляю вас, учитель, явите ваше великое милосердие и спасите меня. Как только мы доберемся до монастыря, я совершу жертвоприношение и отблагодарю вас за ваши милости.

— Учитель, — отвечал ему Трипитака, приняв все сказанное духом за истину. — Мы оба с вами монахи, только я — буддийский, а вы — даосский. И хоть платье у нас различно, однако принципы, которые мы проповедуем, одинаковы. Если бы я не оказал вам помощи, то не имел бы права называться монахом. Не знаю только, что делать, ведь вы не можете двигаться.

— Не то что двигаться, я встать не могу, — пожаловался дух. — Ну ладно, — отвечал Трипитака. — Я пойду пешком, а вы садитесь на коня.

— Премного благодарен вам, учитель, за вашу доброту ко мне, но я даже на коня не в состоянии сесть.

— А я и не подумал об этом, — сказал Трипитака. — Ша-сэн! Положи вещи на коня, а сам понеси этого почтенного монаха до монастыря.

— Ладно, — согласился Ша-сэн, — понесу.

Но дух быстро обернулся к Ша-сэну и окинул его взглядом.

— Учитель, — сказал он, — тигр напугал меня до смерти, а этот монах еще страшнее. Я боюсь его.

— Неси тогда ты, — сказал Трипитака Сунь У-куну.

— Хорошо, — сразу же согласился тот.

Дух уселся Сунь У-куну на спину и удобно там устроился.

«Вот глупый даос, — усмехнулся про себя Ша-сэн, — не хочет, чтобы я его нес, а предпочитает Сунь У-куна. Вот погоди, отойдет он немного, так, чтобы учитель его не видел, трахнет тебя о камни, так ты и костей не соберешь».

«Подлая тварь, — думал в это время Сунь У-кун, тоже улыбаясь. — Как только ты осмеливаешься дразнить меня. Лучше бы поинтересовался, сколько мне лет. Своими дьявольскими речами ты можешь морочить Танского монаха, а меня не обманешь. Я отлично знаю, что ты — дух здешних гор и что вы задумали съесть нашего учителя. Но наш учитель не обыкновенный человек, не так просто его съесть. Уж если вы решили полакомиться его мясом, то львиная доля должна достаться мне».

Между тем услышав, что Сунь У-кун что-то бормочет себе под нос, дух сказал:

— Учитель, я не дух какой-нибудь, я родился в хорошей семье, а потом стал даосским монахом. И вот теперь, на свою беду, повстречался с тигром.

— Если ты боишься зверей, почему не читаешь псалмы Северной звезды? — спросил Сунь У-кун.

Трипитака, который в этот момент как раз садился на коня, услышал их разговор.

— Скверная ты обезьяна! — прикрикнул он на Сунь У-куна. — Ты что, забыл поговорку о том, что спасти жизнь одного человека ценнее, чем построить высокую пагоду. Твое дело нести его — и все. Нечего болтать о каких-то там псалмах!

— Да ведь врет он все, — сказал Сунь У-кун. — Будь моя воля, я ни за что не понес бы тебя, боюсь только, что учитель рассердится, он — человек высокой добродетели и милосердия, хотя иногда и совершает какие-то странные поступки. Хорошо, я понесу тебя, но смотри. Если захочешь справить нужду, сразу же скажи мне. Не вздумай делать это у меня на спине. Одежду стирать здесь некому.

— Я человек старый, — отвечал дух, — и сам прекрасно все понимаю.

Итак, Сунь У-кун, неся духа на спине, вместе со всеми продолжал свой путь. Они то спускались с горы, то снова подымались. Сунь У-кун все время нарочно замедлял шаг, стараясь пропустить учителя вперед. И вот, когда они прошли примерно около пяти ли и Трипитака с Ша-сэном скрылись в долине, в сердце Сунь У-куна начала закипать злость.

«Учитель — человек почтенного возраста, а ни в чем не разбирается. Когда отправляешься в такой дальний путь, даже собственные руки кажутся тяжелыми и ты рад бы избавиться от них, а тут еще тащи на себе этого дьявола. Да будь он не дьявол, а самый порядочный человек и то в мои годы нести его просто наказание. Прикончу его и дело с концом».

А надо сказать вам, что каждая мысль Сунь У-куна тут же становилась известной духу. Этот дух обладал волшебной силой, передвигающей горы. И вот, сидя на спине у Сунь У-куна, он произнес заклинание, и в воздухе моментально выросла гора Сумеру, которая, опустившись на Сунь У-куна, придавила его. Однако Великий Мудрец подвигал головой и легко сдвинул гору на левое плечо.

— Эх ты, сынок, — сказал он смеясь, — решил придавить меня. Да я ничуть, этого не боюсь. Для меня твоя гора все равно, что коромысло. Коромысло и то тяжелее.

«Одной горы, видимо, мало», — подумал дух и тут же снова произнес заклинание. На этот раз в воздухе выросла гора Эмэй и тоже опустилась на Сунь У-куна. Но Сунь У-кун снова пошевелил головой и сдвинул гору на правое плечо. После этого он выпрыгнул из расщелины и как метеор помчался вслед за своим учителем.

Все это так сильно напугало духа, что он даже вспотел. И вот, чтобы исправить положение, он снова произнес заклинание, поднял гору Тайшань и придавил ею Сунь У-куна. В этот момент Сунь У-кун совсем обессилел и, когда дух опустил на его голову гору Тайшань, все его три души громко застонали, из семи отверстий полилась кровь.

А наш чудесный дух на облаке помчался догонять Трипитаку и, протянув руки с высоты, сразу же поймал его.

Ша-сэн от неожиданности выронил вещи, но тут же, схватив свой посох, покоряющий демонов, бросился на духа. Тогда дух выхватил семизвездный меч, и между ними разгорелся ожесточенный бой.

Меч семизвездный и посох

От бешеной силы вращения

Свет испускали слепящий

На страшное поле сраженья.

Смерти владыкой казался
Боец круглоглазый и злобный,
Железнодорожник — другой,
По виду придворным подобный.
Первый хотел, захватив,
Уничтожить святого монаха;
Встав на защиту, другой
За наставника бился без страха.
На небе оба покрыли
Туманом и дымом чертоги,
Землю взрывая в борьбе,
Затемнили созвездий дороги.
Так они бились весь день
Даже солнце от пыли тускнело,
Все непрогляднее мрак
Нависал над вселенною целой.
Девять уж минуло схваток,
В бою — никакой перемены,
Но на десятой пришло
Поражение монаха Ша-сэна.

Дух был разъярен и, когда вращал своим мечом, казалось, будто в воздухе летают метеоры. Ша-сэн совсем ослаб и не в силах был больше сопротивляться. Он хотел было бежать, но дух успел прижать его мечом и зажал под левую подмышку. Правой рукой он схватил Трипитаку, а ногами подцепил его вещи. Затем он раскрыл свою пасть и зубами схватил за гриву коня. Так он и примчался к пещере Цветов лотоса.

— Дорогой брат! — крикнул он громовым голосом. — Я притащил монахов!

— Давай их сюда, — обрадованно крикнул начальник, — я посмотрю!

— Ну как, нравятся они тебе? — спросил второй дух.

— Дорогой брат, — отвечал начальник, — снова ты поступил неправильно.

— Ты же сам говорил, что нужно поймать Танского монаха.

— Совершенно верно, — отвечал начальник. — Однако надо было поймать еще Сунь У-куна: только в этом случае мы могли бы отведать мяса Танского монаха. Иначе нечего об этом и думать. Царь обезьян обладает огромной волшебной силой, а также искусством многих превращений, и, если мы съедим его учителя, он, конечно, не простит этого нам. Он явится сюда и учинит здесь такое, что мы навсегда забудем о спокойной жизни.

— Ты, дорогой брат, очень любишь хвалить других. Если послушать тебя, выходит, что таких, как он, даже на небе мало, а на земле их и вовсе не найдешь. А, по-моему, сейчас он уже ничего не может сделать.

— Ну, в таком случае нам очень повезло, — выслушав его, отвечал начальник. — Давайте сюда монаха! На этот раз мы полакомимся. Тащите вина! И поднесите бокал вашему начальнику за его заслуги!

— Дорогой брат, — сказал тут второй дух, — прежде чем пить вино, прикажи выловить Чжу Ба-цзе из пруда.

И они отдали распоряжение подвесить Чжу Ба-цзе на восточной террасе. Ша-сэна подвесили на западной террасе, а Танского монаха — между ними. Коня отвели в конюшню, а вещи принесли в помещение.

— Ты весьма искусен, мудрый брат мой, — сказал улыбаясь старый дух. — Двумя приемами поймал сразу трех монахов. Хоть Сунь У-кун и придавлен горами, все же надо что-то придумать, чтобы поймать его и сварить вместе с ними.

— Вы присядьте, брат, и не беспокойтесь, — отвечал второй дух. — Для того чтобы поймать Сунь У-куна, нам незачем утруждать себя. Надо взять два талисмана и послать с ними кого-нибудь из наших людей: пусть они при помощи этих талисманов выловят Сунь У-куна.

— О каких талисманах ты говоришь? — спросил начальник. — О моей тыкве-горлянке червонного золота и твоем кувшине из белоснежного нефрита.

— А кого мы пошлем? — спросил начальник, вынимая драгоценности.

— Я думаю, что надо послать Цзин Си-гуя и Лин Личуна, — сказал второй дух. — Возьмите эти вещи, — приказал он посланцам, — и поднимитесь на самую высокую гору. Там переверните их дном кверху и крикните: «Сунь У-кун!» Если он отзовется, значит, попался и находится либо в тыкве, либо в кувшине. Тут вы, не мешкая, заклейте кувшин и тыкву заклинанием великого Лао-цзюня, и Сунь У-кун тотчас же превратится в гной.

О том, как духи отправились ловить Сунь У-куна, мы распространяться не будем, а расскажем лучше о Великом Мудреце. Придавленный горами, он с горечью думал о Трипитаке.

— Учитель! — громко взывал он, — помнишь, как ты освободил меня из-под горы, которой я был придавлен, и сделал своим учеником? В то время бодисатва Гуаньинь милостиво повелела мне сопровождать тебя на Запад. Мы вместе занимались совершенствованием. У нас была одна судьба, мы познавали одно и то же. Кто же мог подумать, что мы окажемся в таком положении?! Злые духи встретились на нашем пути и придавили меня горой. Горе мне! Если тебе уж суждено умереть, так жаль, что приходится страдать также Ша-сэну, и Чжу Ба-цзе, и тому молодому дракону, который был превращен в коня. Не зря говорится: «Высокое дерево гнется от ветра, слава губит человека».

Сказав это, Сунь У-кун тяжело вздохнул, и слезы градом полились у него из глаз. Это сразу же встревожило местных духов земли и духов — хранителей пяти стран света. Все они окружили Златоглавого духа и стали спрашивать у него: — Кому принадлежат эти горы?

— Нам, — отвечали духи земли.

— А кого они сейчас придавили? — последовал вопрос.

— Это нам неизвестно, — отвечали духи земли.

— Как же так? — воскликнули духи — хранители пяти стран света. — Да знаете ли вы, что под этими горами заключен Великий Мудрец по имени Сунь У-кун, который пятьсот лет тому назад учинил скандал на небе? Сейчас он вступил на путь Истины и стал учеником Танского монаха. Как же вы могли допустить, чтобы злой дух придавил его горой в ваших владениях? Вы сами себя сгубили. Думаете, он помилует вас, когда освободится? В лучшем случае он сделает вас, духов земли, посыльными и заставит бегать по почтовым станциям, а горных духов отправит служить в войска. Да и нам, конечно, не даст покоя.

Тут духи гор и земли не на шутку перепугались.

— Но мы, право, ничего не знали об этом, — оправдывались они. — Услышали, как этот дух произносит заклинание, ну и перенесли гору. Кто мог подумать, что он решил придавить Великого Мудреца?

— Ну ладно, не бойтесь, — сказали духи — хранители пяти стран света. — Не зря говорится в законе: «Преступление, совершенное по незнанию, не карается». Мы поможем вам освободить его, и он не станет нас бить.

— Вам не справиться с ним, — произнесли духи земли. — Как только он очутится на свободе, так тотчас же начнет драться.

— А знаете ли вы, — сказали духи — хранители пяти стран света, — что у него есть посох исполнения желаний с золотыми обручами. Этот посох наводит страх на всякого, кто его увидит. От одного его удара наступает смерть. Его прикосновение ранит. Если попытаешься поднять его — лопнут жилы; если притронешься к нему — трескается кожа.

Эти слова повергли духов земли в трепет и, посоветовавшись с духами — хранителями пяти стран света, они все вместе подошли к трем горам.

— Великий Мудрец, — молвили они, — духи гор и земли и духи — хранители пяти стран света пришли навестить вас. Здесь надо сказать, что наш прекрасный Сунь У-кун не утратил своего воинственного духа и сохранял величавую осанку.

— Для чего же это вам понадобилось навещать меня? — громко спросил он.

— Мы пришли сообщить, — отвечали те, — что хотим освободить вас и надеемся на то, что вы простите нам нашу непочтительность.

— Ладно, — согласился Сунь У-кун. — Я вас не трону. Он сказал это таким тоном, словно был начальником обла- сти и давал приказ об освобождении заключенных. Духи разом произнесли заклинание, и горы стали на свои места. Очутившись на свободе, Сунь У-кун вскочил на ноги, отряхнулся, поправил на себе одежду и, вытащив из уха свой посох, подозвал духов земли.

— Ну-ка, протягивайте ваши лисьи лапы, — крикнул он, — я всыплю каждому по два удара, чтобы отвести душу.

— Великий Мудрец, — в испуге закричали духи, — вы только что сами сказали, что прощаете нам нашу вину. А теперь, когда мы освободили вас, хотите нас бить.

— Вы что же это, милые мои, — сказал Сунь У-кун, — выходит, ничуть не боитесь меня, а боитесь каких-то там чертей?!

— Волшебник, который опрокинул на вас горы, обладает большой магической силой и высоким искусством магии. Он хорошо знает заклинания и вызвал нас к себе в пещеру, заставив каждого па очереди стоять на страже около него целый день.

Слова «стоять на страже» сильно встревожили Сунь У-куна и, устремив взор к небу, он воскликнул:

— О боже! После того как ты отделил небо от земли, гора Цветов и плодов произвела меня на свет. Я учился у лучших учителей, и для меня открылись тайны вечной жизни. Я могу легко превращаться во что угодно, умею усмирять тигров и покорять драконов. Я учинил дебош в небесных чертогах, после чего мне было пожаловано звание Великого Мудреца. И, несмотря на все это, я не решался прибегать к услугам духов гор и земли. Как же этот нечистый

оборотень осмелился вызвать духов гор и земли и, словно рабов, заставить их стоять у себя на страже! О небо! — в отчаянии воскликнул он. — Если ты создало меня, зачем тебе еще понадобилось производить на свет подобных тварей?!

Произнеся эту тираду, Сунь У-кун вдруг заметил над горным ущельем радужное сияние.

— Духи! — молвил он. — Раз вы находитесь в услужении у этого волшебника, вы должны знать, откуда исходит сияние.

— Это сияние излучает одна из драгоценностей волшебника, — отвечали духи. — И надо полагать, что дух вынул ее для того, чтобы поймать вас.

— Ну что ж, в таком случае позабавимся, — обрадовался Сунь У-кун. — А скажите, кто еще живет в этой пещере?

— В особом почете у этого волшебника даосы, — отвечали духи, — поскольку излюбленным его занятием является изготовление эликсира бессмертия.

— Тогда нет ничего удивительного в том, что он превратился в даоса и обманом захватил моего учителя, — отвечал Сунь У-кун. — Теперь же, — продолжал он, — возвращайтесь пока к себе и запомните, что удары остаются за мной. А с этим волшебником я сам как-нибудь справлюсь.

Духи тотчас же поднялись в воздух и рассеялись в разные стороны. А Сунь У-кун встряхнулся и превратился в праведника даоса. И вы только послушайте, как он был одет:

Он надел кафтан монаха,
Перештопанный кафтан,
Скорбно, траурно причесан,
Бил в овальный барабан.
Древним поясом Люй Гуна
Затянул он гордо стан,
Приклонившись у дороги,
Духов ждал Царь обезьян
И дождался... Тотчас гневом
Был свирепо обуян.

Вскоре появились два духа, — это были слуги. Сунь У-кун выставил вперед свой посох, а духи,

не заметив его, споткнулись и полетели на землю. Лишь поднявшись на ноги, они увидели Сунь У-куна.

— Какая неосторожность! — воскликнули духи. — Если бы наш повелитель не относился с почтением ко всякого рода паломникам, мы бы с тобой поговорили!

— О чем же это вы поговорили бы? — спросил Сунь У-кун. — Даосы должны встречать друг друга, как родные.

— А с какой стати ты здесь развалился, да еще заставляешь нас падать?

— Когда молодые послушники встречают такого почтенного даоса, как я, — сказал Сунь У-кун, — они должны пасть ниц перед ним и преподнести ему деньги.

— Когда мы приветствуем нашего начальника, — отвечали духи, — то и он ограничивается только двумя лянми. Почему же мы должны падать перед тобой ниц и преподносить деньги? Ты, конечно, не здешний, и у вас другие обычаи.

— Совершенно верно, я не здешний, — отвечал Сунь У-кун. — Я пришел с горы Пэнлайшань.

— Да ведь гора Пэнлайшань находится на морском острове и является обиталищем бессмертных.

— А я, что же, по-вашему, не бессмертный? — возмутился Сунь У-кун.

Эти слова показались духам забавными, и они, желая продлить веселый разговор, выступили вперед и воскликнули:

— О почтенный бессмертный! Не гневайся на нас за то, что мы глазами простых смертных не смогли распознать вас и оскорбили своими речами.

— Да я не сержусь, — отвечал им Сунь У-кун. — Недаром говорят: «Бессмертный не ходит по земле». Как же вы могли узнать меня? Я пришел к вам в горы для того, чтобы увести с собой одного человека, познавшего дао и достойного стать божеством. Кто из вас отправится со мной?

— Учитель! Я пойду, — сразу же отозвался дух Цзин Си-гуй.

— И я пойду! — подхватил Лин Ли-чун.

— А вы откуда? — спросил Сунь У-кун, продолжая притворяться, так как хорошо знал, кто они

такие.

— Мы из пещеры Цветов лотоса, — отвечали те.

— А куда направляетесь?

— По приказу нашего повелителя мы идем захватить Сунь У-куна.

— Кого? — переспросил Великий Мудрец.

— Сунь У-куна, — повторили те.

— Не того ли Сунь У-куна, который сопровождает Танского монаха?

— Ты угадал! А ты и его знаешь?

— Как же, знаю, — отвечал им Сунь У-кун. — Эта обезьяна — существо весьма бесцеремонное. Я тоже зол на нее, поэтому пойду вместе с вами и помогу выловить ее.

— Зачем вам утруждать себя, — молвили духи. — Наши повелители владеют магическим средством и благодаря этому сумели переместить горы и придавили ими Сунь У-куна. Теперь он лишен свободы и даже шевелиться не может. Наши повелители дали нам два талисмана, в один из которых мы должны упрятать Сунь У-куна.

— Что же это за талисманы? — поинтересовался Сунь У-кун.

— У меня, — сказал Цзинь Си-гуй, — тыква-горлянка из червонного золота, а у него — кувшин из белоснежного нефрита.

— Каким же образом вы упрячете его туда? — продолжал расспрашивать Сунь У-кун.

— Эти талисманы надо перевернуть дном кверху и тут же позвать: «Сунь У-кун!» Если он откликнется, значит попался. После этого отверстие надо заклеить листом бумаги, где написано заклинание великого Лао-цзюня, и попавший в ловушку мгновенно превращается в гной.

Выслушав их, Сунь У-кун даже испугался.

«Это уж чересчур, — подумал он. — Однако дух-страж говорил о пяти талисманах, а здесь только два. Интересно, какие же это еще три талисмана?»

— Ну-ка, уважаемые, покажите ваши талисманы! — попросил Сунь У-кун.

Духи, ничего не подозревая, вытащили из рукавов талисманы и обеими руками почтительно преподнесли их Сунь У-куну.

«А ведь замечательные вещицы, — подумал Сунь У-кун, глядя на талисманы, которые держал в руках. — Стоит мне дернуть себя за хвост, и я умчусь отсюда. Тогда и драгоценности будут мои. Нет, так нехорошо! Это называется грабеж среди бела дня. Ведь от подобного поступка пострадает мое доброе имя».

— А моей драгоценности вы не видели? — спросил он духов, возвращая им талисманы.

— А что у вас за драгоценность, учитель? Может быть, простым смертным на нее смотреть опасно?

Тут наш чудесный Сунь У-кун выдернул у себя из хвоста волосок и произнес заклинание:

— Изменись!

В тот же миг волосок превратился в огромную тыкву-горлянку червонного золота, длиной в один чи и семь цуней. Вытащив ее из-за пояса и передавая духам, Сунь У-кун сказал:

— Вы не видели моей тыквы?

Лин Ли-чун взял тыкву в руки, посмотрел и сказал:

— Учитель! Твоя тыква и велика и красива, однако пользы от нее никакой.

— Почему ты так думаешь? — спросил Сунь У-кун.

— Вот если взять наши талисманы, — отвечали духи, — так в каждый из них можно поместить тысячу человек.

— Конечно, ваша тыква, в которую можно улавливать людей, — тоже редкостная вещь, — отвечал им Сунь У-кун. — Но в мою тыкву может уместиться все небо.

— Все небо? — изумились духи.

— Да, все небо.

— Что-то не верится, — усомнились духи. — Ну-ка, покажи нам, что может сделать твоя тыквогорлянка. Тогда мы тебе поверим.

— Когда небо рассердит меня, — отвечал Сунь У-кун, — я в течение месяца могу упрятать его в мою тыквогорлянку раз семь, а то и восемь. Если же оно мне не досаждаёт, я за целые полгода ни разу не смогу этого сделать.

— Дорогой брат, — сказал тут Лин Ли-чун, — в этот волшебный талисман можно упрятать небо, сменяйся с ним.

— Да разве он согласится? — сказал Цзинь Си-гуй.

— Мы можем дать ему в придачу кувшин, — сказал Лин Ли-чун.

«Что ж, — подумал Сунь У-кун, — обменять тыкву на тыкву, да получить ещё в придачу кувшин, — не так уж плохо».

— Ладно, — сказал Сунь У-кун, беря за руку Лин Личуна. — Если я упрячу сюда небо, будем меняться?

— Упрячешь — будем, — отвечал тот. — Будь я подлецом, если откажусь от своего слова.

— Идет, — согласился Сунь У-кун.

После этого наш Великий Мудрец наклонил голову и, произнеся заклинание, вызвал духов дневной и ночной охраны и духов — хранителей пяти стран света.

— Отправляйтесь немедленно к Нефритовому императору, — приказал он, — и доложите ему, что я встал на путь Истины и охраняю Танского монаха в его паломничестве в Индию за священными книгами. На пути нам попала высокая гора, где моему учителю угрожает серьезная опасность. Местные духи обладают талисманом, который я хотел бы получить у них в обмен на мой. Пусть Нефритовый император разрешит мне запереть небо на один только час, и я выполню то, что задумал. Если же он вздумает отказать мне, я поднимусь во дворец Священного небосвода и устрою там разгром.

Дух дневной охраны в тот же миг очутился у Южных ворот неба и, пройдя во дворец Священного небосвода, передал Нефритовому императору все, что велел Сунь У-кун.

— Эта гадкая обезьяна даже говорить прилично не умеет, — сказал, выслушав его, император. — Но что поделаешь! Боди сатва Гуаньинь освободила его из заточения и отправила охранять Танского монаха. Я послал хранителей пяти стран света, четырех духов-стражей, которые по очереди должны были нести охрану. А сейчас он требует, чтобы я запер небо. Да разве это возможно?

И не успел он выразить сомнение, как в тот же момент перед ним предстал третий сын небесного князя — принц Ночжа.

— Ваше величество, — молвил он. — небо можно запереть.

— Каким образом? — спросил император.

— После того как кончился период хаоса, — сказал принц, — небесная твердь отделилась от земли. И хотя небо теперь совершенно чисто, оно все же достаточно прочно, чтобы поддерживать небесные чертоги. Небо, конечно, не следовало бы запирасть. Но ведь Сунь У-кун охраняет Танского монаха в его паломничестве в Индию за священными книгами. Счастье его велико, как гора Тайшань, а его удачи глубоки, как море. Ему во что бы то ни стало нужно помочь.

— А как же вы сделаете это, принц? — спросил император.

— Я попрошу вас, ваше величество, — отвечал принц Ночжа, — приказать полководцу Чжэнь У отдать нам черное вышитое знамя, которое висит у Северных небесных ворот. Это знамя мы вывесим у Южных небесных ворот, и оно закроет собою все: солнце, луну, звезды — воцарится тьма. Благодаря этому Сунь У-кун сможет обмануть духов. Таким образом мы и поможем ему.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — согласился император.

Получив указ, принц Ночжа тотчас же отправился к Северным воротам, и там все подробно передал Чжэнь У. Выслушав его, Чжэнь У отдал ему знамя.

Между тем дух-страж мигом вернулся к Великому Мудрецу и на ухо шепнул ему:

— Принц Ночжа взялся помочь вам.

Сунь У-кун взглянул на небо и увидел радужное сияние, которое всегда сопровождало появление небесной силы.

— Ну что ж, сейчас я покажу вам, как действует моя тыква-горлянка, — сказал Сунь У-кун, обернувшись к духам.

— Показывай скорее, чего медлишь? — торопили духи.

— Итак, начинаю, — сказал Сунь У-кун.

Духи уставились на него во все глаза, горя нетерпением посмотреть, как Сунь У-кун упрячет

небо. А Сунь У-кун в это время подбросил свою тыкву вверх. Превращенная из волоска, она была легкой, словно пушинка. Ветер подхватил ее и понес по воздуху. Только через час тыква опустилась на землю.

В этот момент находившийся у Южных ворот принц Ночжа с шумом распахнул черное знамя, которое в тот же миг скрыло солнце, луну и звезды. Земля и небо погрузились во мрак, туман окутал всю вселенную.

— Ведь только что был полдень, почему же вдруг наступили сумерки? — испуганно воскликнули духи.

— Да ведь солнце, луна и звезды у меня в тыкве-горлянке, — отвечал Сунь У-кун, — поэтому и темно.

— Откуда доносится ваш голос, учитель? — спросили духи.

— Я здесь, рядом с вами, — произнес Сунь У-кун.

Духи протянули руки и, ощупывая его, сказали:

— Голос ваш слышен, а вас совсем не видно. А где сейчас мы находимся? — спросили духи.

— Мы находимся на краю обрыва над морем Бохай, — сказал им Сунь У-кун: — Стоит вам оступиться, и вы полетите вниз и дна достигнете только через восемь дней. Так что смотрите, не двигайтесь.

— Ладно, хватит! — испуганно закричали духи. — Выпусти небо на волю, а то мы можем упасть в море и никогда больше не вернемся домой! Мы убедились в том, что твоя тыква-горлянка не бесполезная вещь.

Теперь, когда духи поверили ему, Сунь У-кун произнес заклинание. Принц, тотчас же свернул знамя, и на небе засияло солнце.

— Чудесно! Изумительно! — восторженно кричали духи. — Надо быть глупцом, чтобы отказаться от такого чудесного талисмана!

С этими словами Цзинь Си-гуй передал свою тыкву, а Лин Ли-чун вынул свой кувшин и тоже отдал его Сунь У-куну. Сунь У-кун же передал им свою тыкву. Однако Сунь У-кун решил довести дело до конца: он выдернул у себя пониже пупка волосок и, превратив его в медную монету, сказал духам:

— Ребята! Возьмите эту монетку и купите мне бумаги.

— Для чего она тебе понадобилась?

— Я хочу скрепить наш уговор подписями, — сказал Сунь У-кун. — Вы отдали мне два талисмана, обладающие чудодейственной силой вылавливания людей в обмен на мой волшебный талисман, обладающий силой вбирать в себя небо. Так вот, во избежание неприятностей, чтобы вы потом не раскаивались, я хочу, чтобы каждый из нас имел на руках документ о совершенной нами сделке.

— Да здесь не найдешь ни кисти, ни бумаги, — отвечали духи, — так что и думать нечего о том, чтобы написать какой-то документ. Мы можем дать только клятвенное обещание.

— Какое именно? — спросил Сунь У-кун.

— Если мы станем раскаиваться в том, что обменяли свои два талисмана, обладающие силой вылавливания людей, на один талисман, способный вмещать небо, пусть нас поразит чума, — торжественно произнесли духи.

— И я никогда не раскаюсь в том, что совершил этот обмен, — сказал улыбаясь Сунь У-кун. — Если же у меня когда-нибудь появится сомнение, пусть и меня поразит чума.

Произнеся эту клятву, Сунь У-кун выпрямился, вильнул хвостом и, совершив прыжок, очутился у Южных ворот неба, где поблагодарил принца Ночжа за помощь.

О том, как принц Ночжа вернулся во дворец, доложил о выполнении данного ему поручения и отдал знамя полководцу Чжэнь У, мы здесь распространяться не будем.

Сунь У-кун долго стоял неподвижно в небесном пространстве, наблюдая за тем, что делают духи. Если вам интересно узнать, что случилось в дальнейшем, прочитайте следующую главу: она обо всем расскажет.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287312>